

ЮНЕСКО

ДОКТОР

ПРОКТОР И

КОНЕЦ СВЕТА

(КАК БЫ)

Ю Несбё
Доктор Проктор и
конец света (как бы)
Серия «Доктор Проктор
и всё-всё-всё», книга 3

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6088237

*Доктор Проктор и конец света (как бы): Роман: Азбука, Азбука-Аттикус; Санкт-Петербург; 2012
ISBN 978-5-389-05049-5*

Аннотация

Если вы уже знакомы с доктором Проктором, вы знаете, что этот безумный (в хорошем смысле) профессор только и делает, что изобретает что-нибудь необычное.

Если вы уже знакомы с Булле, вы знаете, что этот рыжий-конопатый коротышка никогда не унывает и находит выход из самых опасных переpletов.

Если вы уже знакомы с Лисе, вы знаете, что она умна и рассудительна, хотя один из ее лучших друзей – безумный (в хорошем смысле) профессор, а второй – ну да, тот самый рыжий непоседа.

А если вы с ними все-таки не знакомы – спешите познакомиться! То есть вам правда лучше поспешить, потому что на наших героев надвигается конец света. На сей раз им понадобится вся изобретательность доктора Проктора, весь оптимизм Булле и вся рассудительность Лисе, а также семиногий паук, король и маленький оркестр, чтобы спасти мир.

Впервые на русском языке!

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	22
Глава 3	35
Глава 4	42
Глава 5	54
Глава 6	65
Глава 7	73
Глава 8	82
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Ю Несбё

Доктор Проктор и конец света (как бы)

Doctor Proctor og verdens undergang. Kanskje

© Jo Nesbo 2010 Illustrations Copyright

© Per Dybvig 2010

© Б. Жаров, перевод, 2013

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2013

Издательство АЗБУКА®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1

«Мировая война» и икота

В Осло всю ночь шел снег. Большие, на первый взгляд совсем безобидные снежинки опускались с неба на городские крыши, улицы и парки. Метеоролог сказал бы, что снежинки – всего лишь замерзший дождь и сыплется он из облаков, но, по совести говоря, *в точности* этого никто не знает. Снежинки могут падать, например, с луны, которая иногда появляется в прорехах облаков, чтобы пролить волшебный свет на спящий город. Снег опускается на асфальт перед ратушей, тут же тает, ручейки бегут до ближайшего люка и стекают вниз, в одну из труб разветвленного городского коллектора, пересекающего вдоль и поперек город Осло – ясное дело, глубоко под землей.

Никто *в точности* не знает, что находится в глубинах коллектора, но, если бы тебе хватило глупости и отваги спуститься туда в эту декабрьскую ночь и затаиться в темноте, ты услышал бы много странного: стук капель, бульканье воды, шорох крысиных лапок, кваканье лягушек и – если бы тебе уж очень не повезло – громкий хлоп открывающейся пасти размером с плавательный круг, капанье слюны из пасти анаконды и громогласный хлопок ее смыкающихся челюстей. И после этого для тебя, мой несчастный друг, на-

ступила бы полная тишина, уж не сомневайся. Но предположим, такая судьба тебя миновала. Тогда ты услышишь другие звуки. Неожиданные звуки. Тихий стук закрываемой вафельницы, шкворчание масла, бормотание, звук открывающейся вафельницы... И негромкое чавканье.

Но вот снег перестает падать, чавканья больше не слышно, жители Осло пробуждаются, чтобы встретить новый день, и в темноте по мокрому снегу шлепают на работу и в школу. А когда фрекен Стробе начинает рассказывать ученикам о Второй мировой войне, над склоном горы осторожно поднимается бледное зимнее солнце, опять проспавшее шанс встать пораньше.

Лисе сидела за своей партой и смотрела на доску. Там было написано «МИРРОВАЯ ВОЙНА» – с лишним «р» в слове «мировая». И эта описка не давала покоя Лисе, которая любила, чтобы слова были написаны как положено. Из-за этого она никак не могла сосредоточиться на рассказе фрекен Стробе о том, как Германия напала на Норвегию в 1940 году, как немногочисленные норвежские герои приняли участие в движении Сопротивления и как в конце концов норвежцы выиграли войну и смогли петь «Победа за нами, мы их одолели, победа за нами».

– А что делали остальные?

– Когда хотим что-то спросить, мы поднимаем руку, Булле! – строго сказала фрекен Стробе.

– Вы поднимаете, это правда, – согласился Булле. – Но я не возьму в толк, разве от этого ответ будет лучше? Мой метод, фрекен Стробе, заключается в том, чтобы поскорее взять слово, – мелкий, рыжий и очень веснушчатый маль-

чишка по имени Булле вскинул маленькую ладошку и сделал такой жест, будто сорвал невидимое яблоко, – вот так! Взять слово, удержать слово, управлять словом, дать ему крылья и послать в полет к вам...

Фрекен Стробе наклонила голову, очки ее соскользнули по длинному носу еще на сантиметр ниже, пронизывающий взгляд уперся в Булле. А рука, к ужасу Лисе, поднялась, чтобы осуществить знаменитый удар по столу. Звук удара ладони фрекен Стробе по сосновому столу внушал ужас. Рассказывали, что от него взрослые мужчины рыдают, а мамы начинают звать маму. Но тут Лисе вспомнила, что об этом она слышала от Булле, а значит не может быть стопроцентной гарантии, что это стопроцентная правда.

– А все-таки что делали те, кто не были героями? – повторил Булле. – Ответьте же мне, о мудрая наставница, красоту коей превосходит только ее мудрость. Ответьте же мне, позвольте пригубить напиток из чаши мудрости.

Фрекен Стробе опустила руку и вздохнула. Лисе показалось, что вопреки строгому выражению лица уголки ее губ слегка дрогнули. Фрекен Стробе никогда не баловала окружающих улыбкой или другими проявлениями солнечной радости.

– Норвежцы, которые не были героями во время войны, – начала она, – они, гм... восторгались.

– Восторгались?

– Восторгались героями. И королем, бежавшим в Лондон.

– Другими словами, ничего не делали, – сказал Булле.

– Это не так просто, – возразила фрекен Стробе. – Не все могут быть героями.

– Почему?

– Почему – что?

– Почему не все могут быть героями? – спросил Булле и потряхнул ярко-рыжим чубом, который, в отличие от самого Булле, было видно над партой.

Повисла тишина, и Лисе смогла расслышать крики и икоту, доносившиеся из соседнего класса. Она знала, что там ведет урок Грегор Гальваниус, новый учитель труда и художественного воспитания. За глаза все звали его «господин Ик», потому что он начинал икать всякий раз, когда нервничал.

– Трульс! – пронзительно верещал Грегор Гальваниус. – Ик! Трюм! Ик!

Лисе услышала злорадный смех Трульса и не менее злорадный смех его брата-близнеца Трюма, потом быстрые шаги и звук открывающейся двери.

– Не все способны быть настоящими героями, – сказала Фрекен Стробе. – Большинство стремятся жить в мире и покое и заниматься своим делом, не вмешиваясь в дела чужие.

Но ее уже почти никто не слушал, все смотрели в окно. Там по заснеженному школьному двору бежали Трульс и Трюм Тране. Зрелище это было не из самых чарующих: и Трульс, и Трюм были такие толстые, что на бегу их брючины терлись друг о друга, высекая искры. Однако их преследователь тоже не был воплощением элегантности. В лучах утреннего солнца господин Ик трусил следом за близнецами неровным шагом, согнувшись и раскорячившись, словно неуклюжий лось, обутый в домашние тапочки. Странная поза объяснялась тем, что к штанам господина Ика, судя по всему, приклеился конторский стул.

Фрекен Стробе посмотрела в окно и тяжело вздохнула:

– Булле, боюсь, что люди в большинстве своем – самые обыкновенные и не склонны к героическим поступкам.

– А со стулом-то что? – тихо спросил Булле, обращаясь к Лисе.

– Кажется, он пришит к его брюкам, – шепнула она в ответ и вдруг ахнула: – Смотри, он сейчас выбежит на лед...

Тапочки Грегора Гальваниуса по прозвищу господин Ик заскользили. И он стал падать. Назад. А так как сзади у него находился стул, а у стула были хорошо смазанные колесики, а двор был на пологом склоне, а склон уходил вниз к Пущечному ручью, то господин Ик оказался невольным пассажиром стула, помчавшего его к ручью со все возрастающей скоростью.

– О боже! – испуганно вскрикнула фрекен Стробе, обнаружив, что ее коллега на всех парах летит к концу света – или, во всяком случае, к концу школьного двора.

Несколько секунд царил тишина, нарушаемая только дребезжанием колесиков стула по льду, шарканьем гладких

тапочек, которыми учитель тщетно пытался замедлить свой полет, да неистовой икотой. Потом стул и его пассажир вре-зались в сугроб на краю школьного двора. Сугроб с грохотом взорвался облаком снежной пыли. Стул и Грегор Гальваниус исчезли!

– Человек за бортом! – закричал Булле и рванулся к двери, прыгая с парты на парту.

Вслед за ним ринулись все остальные, в том числе фрекен Стробе, и через несколько секунд в классе осталась одна Лисе. Она подошла к доске, взяла мел и стерла лишнюю букву «Р»: «МИРОВАЯ ВОЙНА» – вот теперь все правильно! После чего тоже выбежала во двор.

Фрекен Стробе и еще один учитель извлекли из сугроба Грегора Гальваниуса, по-прежнему намертво сросшегося со стулом.

– Как вы, Грегор? – спросила фрекен Стробе.

– Ик! – отозвался Грегор. – Я ослеп!

– Да нет же. – Фрекен Стробе пальцем вычистила снег у него из-под очков. – Вот и все...

При виде ее Гальваниус растерянно заморгал и покраснел.

– Добрый день, фрекен Стробе! Ик!

– Сколько шума! – сказала Лисе Булле (тот первым прибежал на место происшествия, и его всего запорошило снегом, взметнувшимся вокруг Грегора Гальваниуса).

Булле не ответил, он пристально разглядывал Пушечный

ручей.

– Там что-то не так? – спросила Лисе.

– Я видел это внизу, когда прибежал сюда. Его облепил снег.

– Что облепил?

– Как раз этого-то я и не знаю. Оно исчезло, когда снег растаял.

Лисе вздохнула.

– Надо что-то делать с твоими фантазиями, Булле. Может быть, доктор Проктор изобретет какое-нибудь средство, чтобы обуздать твое воображение.

Булле поморгал, стряхивая снег с ресниц, и схватил ее за руку:

– Идем!

– Булле...

– Идем, – сказал Булле и застегнул молнию на куртке.

– Урок же еще не кончился!

Но этого Булле уже не слышал. Он ринулся в глубокий снег, лег на живот и съехал по крутому склону вниз к замерзшему ручью.

– Булле! – закричала Лисе и пошла следом. – Нам запрещено спускаться к ручью!

Булле уже снова стоял на ногах, с триумфом показывая что-то на снегу.

– Что это? – спросила Лисе и подошла ближе.

– Следы, – объяснил Булле. – Отпечатки ног.

И верно, в тонком слое снега, устилающего лед, остались отчетливые отпечатки.

– Кто-то перешел ручей, – сказала Лисе. – И что из этого?

– Да ты посмотри на следы, – сказал Булле. – Не очень-то они похожи на звериные, согласна?

Лисе перебрала в памяти следы, которые они изучали на уроках биологии. Следы звериных и птичьих лап и когтей. Да, и правда совсем не то. Она кивнула.

– А на следы ботинок или сапог непохоже тем более, – продолжал Булле. – Мистика!

Он вышел на лед.

– Подожди! – крикнула Лисе. – Вдруг лед треснет...

Но Булле не слушал. Спокойно перебравшись на другой берег, он обернулся:

– Ну, ты идешь?

– Тебя лед выдержал, но для меня он может оказаться слишком тонким, – сказала Лисе шепотом, опасаясь, как бы фрекен Стробе не увидела их со школьного двора.

– Что? – крикнул Булле.

Лисе показала на лед.

Булле постучал по голове.

– Пусти в ход свои опилки под прической! Посмотри на следы! Тот, кто шел по льду, был больше тебя и меня, вместе взятых!

Лисе терпеть не могла, когда Булле корчил из себя умника. Поэтому она несколько раз топнула ногой по снегу. Пред-

ставила себе, что скажет папа-комендант – или, еще хуже, что скажет мама-комендантша, – если она принесет домой записку от фрекен Стробе. Решила, что выслушивать такое она не хочет. И все равно пошла по льду. Ведь если уж тебе так не повезло в жизни, что твой друг – парень вроде Булле, остается только смириться.

Следы шли по широкой дуге через Ореховый лес, как гордо называли здесь горстку симпатичных деревьев, потом по Ореховому мосту, пересекали школьный двор и вели к лестнице в спортивный зал. Лисе и Булле открыли дверь и вошли.

– Смотри. – Булле показал на мокрые следы на полу.

Но в коридоре отпечатки было видно хуже, в раздевалках – еще хуже, а в пустом спортзале не видно вовсе.

– Обувь высохла, – сказал Булле и принюхался.

– А это что такое? – спросила Лисе, показав на штандарт школьного оркестра у стены за спортивными матами и старым конем.

Именно тут, в спортзале, проходили репетиции школьного оркестра, и Лисе с Булле в нем играли. Штандарт был синий с желтой вышивкой: «Орккестр школы „Укромный уголок“».

Уютный
уголок

ШКОЛА

Орккестр

1972

Булле двинулся к выходу, и Лисе заторопилась за ним. Она была умной и мужественной девочкой и не верила в привидения, монстров и прочие глупости («Ха! Да какой подросток может верить в такое!» – подумала она), но оставаться в зале одной ей не захотелось. По непонятной причине волосы у нее на голове норовили встать дыбом, что-то тут явно было не так, и от этого казалось, будто все происходит во сне.

Во дворе директор школы, возвышаясь рядом с сугробом, громогласно спрашивал, не расскажет ли кто-нибудь, кто же пришел брюки господина Гальваниуса к стулу. Булле и Лисе, стоя на крыльце спортзала, видели, как школьники бросают испуганные взгляды то на директора, то на Трульса и Трюма, которые стояли бок о бок, сложив руки на груди, и угрожающе зыркали на остальных.

– Никто не осмелится выдать Трульса и Трюма, – вздохнула Лисе.

– Наверное, фрекен Стробе права, – сказал Булле. – Большинство людей хотят жить в мире и покое и заниматься своим делом, не вмешиваясь в дела других.

Прозвучал звонок на урок. А может, это был звонок с урока. Какой странный сегодня день, подумала Лисе.

На последнем уроке странностей прибавилось. Лисе вдруг сообразила, что именно было не так в спортзале. Понимание ударило ей в голову внезапно, словно снежок, брошен-

ный Трульсом или Трюмом. Штандарт школьного оркестра! Она видела его сотни раз, и на нем всегда были вышиты желтые буквы: «Оркестр школы „Укромный уголок“». А когда они зашли в спортзал, надпись изменилась: «Орккестр школы „Укромный уголок“». В первом слове стало два «к»! Лисе похолодела. Разве такое возможно?

Прозвенел звонок с урока, и Лисе повела Булле в пустой спортзал, где они подошли поближе к штандарту. Булле медленно прочитал все буквы:

– О-р-к-е-с-т-р ш-к-о-л-ы У-к-р-о-м-н-ы-й у-г-о-л-о-к.

– Но в первом слове была лишняя буква! – в отчаянии сказала Лисе. – Правда!

Булле глубокомысленно сложил руки пирамидкой и обернулся к ней:

– Может быть, доктор Проктор изобретет какое-нибудь средство, чтобы обуздать твоё воображение, дорогая.

– Воображение тут ни при чем! – крикнула Лисе.

Булле примирительно похлопал ее по спине:

– Успокойся. Ты знаешь, в чем разница между тобой и мной, Лисе?

– Нет. Впрочем, да, знаю. Почти во всем.

– Лисе, разница в том, что я, будучи твоим другом, слепо верю всему, что ты говоришь.

– Наверное, потому, – сказала Лисе, – что я всегда говорю правду.

Булле задумчиво посмотрел на штандарт:

– Мне кажется, пора посоветоваться с нашими друзьями.

– У нас нет друзей, Булле. Если не считать нас самих, у нас есть только один друг!

– Значит, уже есть круг друзей, если хочешь знать мое мнение, – сказал Булле и стал напевать начало партии первого голоса «Старого марша корпуса егерей»¹. Лисе не смогла устоять и поддержала его, напевая партию кларнета.

И вот так, под звуки «Старого марша корпуса егерей», они прошеествовали от школы на Пушечную улицу и по ней – мимо красного дома, где жила Лисе, мимо желтого дома напротив, где жил Булле, пока не оказались перед занесенным снегом по самую крышу синим покосившимся домом в конце улицы, – домом, где жил их единственный друг. Они прошли мимо голого грушевого дерева и постучали в дверь, потому что звонок, как всегда, не работал.

– Доктор Проктор! – крикнул Булле. – Это мы!

¹ Один из самых известных маршей Норвегии, который исполняется при появлении королевской семьи. Его играют все школьные оркестры во время шествия в День независимости 17 мая. (Здесь и далее прим. пер.)

Глава 2

Башмаки равновесия и лунные хамелеоны

Однако дверь доктора Проктора осталась закрытой.

– Ну где же он? – пробормотал Булле и заглянул в щелку для писем.

– Там, – сказала Лисе.

– Где? – спросил Булле.

– Да вот же он.

Булле обернулся и посмотрел вверх, куда указывал палец Лисе.

И там, на коньке крыши, он увидел высокого худого человека в профессорском пальто и розовых наушниках. Человек осторожно, маленькими шагами, вытянув руки перед собой, пробирался вдоль крыши.

– Доктор Проктор! – крикнул Булле как можно громче.

– Он не слышит, – сказала Лисе. – На нем же Двойные наушники.

Двойные наушники – или Двойные Ушные Заглушки доктора Проктора – профессор изобрел для защиты от шума, производимого другим его изобретением: Порошком ветронавтов доктора Проктора.

Лисе слепила снежок и бросила. Он ударился о крышу

прямо перед профессором, тот покачнулся и стал выплясывать на коньке. Руки его замелькали, как лопасти турбины, и сдвинули на висок один из наушников.

– Что вы там делаете? – крикнул Булле.

– Машу... руками... – отозвался профессор и замахал руками пуще прежнего, – и извиваюсь всем телом... – просто-напал он, когда его длинное тощее тело стало раскачиваться. – А теперь... я теряю равновесие! – закричал он и вдруг пропал.

Булле и Лисе испуганно переглянулись. И бегом бросились вокруг дома.

– Эй, вы там?! – закричала Лисе.

– Эй, вы там?! – закричал Булле.

– Эй, я там, – глухо раздалось из-под снега, и на поверхность высунулись две руки. – А если мы уже закончили эйтамкать, может, вы все-таки поможете мне?

Лисе и Булле схватили профессора за руки, и уже второй взрослый за этот удивительный день был извлечен из-под снега. Хотя можно ли считать этого человека по-настоящему взрослым – еще вопрос. Большинство изобретений доктора Проктора были скорее детскими и ужасно забавными, однако, к сожалению, в мире взрослых от них не было почти никакого проку. Но разве это может иметь значение, когда у тебя сад из одной груши, двое близких друзей и ты помолвлен с самой милой и – насколько доктор мог видеть сквозь свои вечно мутные мотоциклетные очки – самой красивой

женщиной Осло Жюльет Маргарин.

– Зачем на вас наушники? – спросила Лисе, помогая доктору Проктору встать на ноги.

– У меня замерзли уши, а шапку я не нашел, – объяснил профессор. – А что случилось?

Лисе рассказала обо всем, что произошло на школьном дворе.

– Грегор Гальваниус, о да. – Доктор Проктор отряхнул снег со своей взъерошенной шевелюры. – Весьма необычная личность.

– Вы знаете господина Ика? – спросил Булле. – Трульс и Трюм пришили его брюки к стулу очень крепкими нитками. Урок труда – штука загадочная. Хотелось бы знать, как им удалось сделать это так, что он ничего не заметил.

Доктор Проктор вздохнул:

– Грегор, скорее всего, заснул, бедняга.

– Но как учитель может заснуть на собственном уроке! – удивилась Лисе.

– Может, если ему хорошо только во сне, – сказал доктор Проктор.

– А это что такое? – спросил Булле, показывая на ноги доктора.

– Это, – профессор тоже уставился на свои красно-оранжевые башмаки с синими шнурками, – мое новое изобретение. Башмаки равновесия доктора Проктора. Смотрите... – Он поднял одну ногу и показал подошву. – Я приделал мощные магнитные подошвы к паре старых боксерских туфель. В

них теперь можно удерживать равновесие на любой поверхности. Надо только установить ручку в нужное положение.

К туфлям были приделаны обыкновенные переключатели от плиты. Лисе прочитала положения:

НАТЯНУТЫЙ КАНАТ
ПРОВИСАЮЩИЙ КАНАТ
ЗАБОР
ПЕРИЛА МОСТА
КОНЕК КРЫШИ

– Роскошно! – закричал Булле. – Можно мне попробовать?

– Пока нельзя, дорогой Булле. Мне еще надо отладить эти башмаки, чтобы с ними все было, э-э, ладно.

– Но вы-то ходили в них по крыше! – с легкой досадой напомнил Булле.

Он предпочитал испытывать не вполне отлаженные изобретения доктора Проктора.

– Мне надо было проверить антенну. – Доктор Проктор показал на крышу, где на бледном фоне зимнего неба чернела большая телевизионная антенна. – У меня ни один канал не показывает.

Лисе застонала:

– Профессор! Разве вы не знаете, что теперь телевидение цифровое? Старые антенны больше не работают.

Доктор Проктор приподнял бровь, посмотрел на Лисе, потом на антенну на крыше. А потом – на часы.

– Значит, время идет. Так что же у вас произошло?

– Что, простите? – не поняла Лисе.

– Так что же у вас про-и-зо-шло?

– Я видел, как что-то исчезло, когда растаял снег, – сказал Булле.

– Когда снег тает, он исчезает. – Доктор Проктор зевнул. – Что еще?

– На штандарте школьного оркестра появилась лишняя

буква, – сказала Лисе.

– Звучит так, будто конец света не за горами, – сухо заметил доктор Проктор и стал пробираться по снегу к двери своего дома.

– У вас есть идеи, что теперь делать? – спросила Лисе.

– Конечно, – кивнул доктор Проктор.

– И что же?

– То же, что и всегда. Карамельный пудинг.

– Итак, – сказал доктор Проктор, когда они разделались с полутораметровым пудингом за столом профессорской кухни.

На соседнем столе стояли модель вертолета, с помощью которой он взбивал крем, тостер, которым он сушил варежки и носки, и кастрюля для ухи с дырявым дном, потому что он терпеть не мог уху.

– Ты о чем-то говорил, – сказал доктор Проктор.

– Да-с, – промурлыкал Булле и сыто рыгнул. – Извините.

– Ничего. Так о чем ты говорил?

– Это трудно объяснить. Когда Грегор Гальваниус упал, он поднял тучу снега, и снег этот как будто осел на чем-то. Я успел заметить какую-то фигуру. Но потом снег растаял, и то, что было под снегом, стало невидимым.

– А что это было, человек или животное?

– Не знаю. Во всяком случае, я никогда не видел таких звериных следов. И на следы босых ног, или туфель, или ботинок это тоже непохоже. Мне кажется, на ногах было что-то... – Булле зажмурился и принялся старательно шевелить мозгами, пытаясь понять, что же было на ногах.

– Гм... – протянул доктор Проктор. – А на штандарте школьного оркестра появилась лишняя буква. Но потом, когда вы вернулись, «ОРКЕСТР» оказался написан правильно?

Лисе кивнула.

Доктор Проктор стал почесывать подбородок.

– Носки! – закричал Булле.

Лисе и Проктор посмотрели на него.

– Это были следы носков, – сказал Булле. – Знаете, как когда промочишь ноги, а дома снимешь обувь и пошлепаешь

по полу в мокрых носках...

– Носкокрады, – прошептал доктор Проктор. – Дефект речи... Лунные... – Тут он спохватился, что Булле и Лисе ловят каждое его слово, и сразу же замолчал.

– Носкокрады? – хором переспросили Булле и Лисе.

– Дефект речи! – выпалил Проктор. – Я хочу сказать... у меня когда-то был дефект речи. – Он показал на улицу за окном: – Боже! Опять пошел снег!

Они выглянули. Действительно, там кружились снежинки.

Лисе посмотрела на доктора Проктора:

– Что еще за похититель нос...

– Кстати, я сейчас работаю над новым изобретением, – перебил ее доктор Проктор. – Хочу создать забавный такой гибрид рождественской елки и обычной ели: чтобы ель вырастала вместе с мишурой, бумажными ангелочками, свечками. Достаточно просто срубить ее и поставить в комнате. Что скажете?

Булле покачал головой:

– Плохая идея. В украшении елки – половина радости.

– Неужели? – огорчился доктор Проктор.

– Да-с. – Булле подчистил свою тарелку. – А вы не могли бы изобрести что-нибудь, чтобы оркестр школы «Укромный уголок» стал звучать хорошо?

– Ну нет. Это абсолютно невозможно, – отрезал доктор Проктор. – А что вы скажете о рождественской каше со вку-

сом карамельного пудинга?

– Это было бы здорово! – закричал Булле и посмотрел на кусочки карамельного пудинга, которые еще оставались на подносе. – Если больше нет желающих, то, может быть, я...

– Доктор, – перебила его Лисе. – Кто такой похититель носков?

– Никогда не слышал о таком, – отрезал профессор. – И вы тоже.

Лисе посмотрела на Булле. Щеки его были как два шара, а на подносе не осталось ни крошки.

– Однако время уже позднее, – сказал доктор Проктор и громко зевнул.

– Тебе не кажется, что сегодня вечером доктор Проктор был какой-то странный? – спросила Лисе, когда они вышли за дверь.

– Нет. – Булле громко рыгнул и счастливо улыбнулся.

– Ну еще бы! – Она закатила глаза.

Когда Лисе вернулась домой, поужинала, выучила уроки и отрепетировала партию кларнета, мама крикнула ей снизу, что пора ложиться спать. По правде говоря, Лисе не имела ничего против. Почистив зубы, она спустилась в гостиную. Родители смотрели телевизор. На экране группа мужчин и женщин очень громко пели, непрерывно раскачиваясь, отчего их длинные белые одеяния колебались, как занавески при дуновении летнего бриза. Лисе затосковала по весне.

– Что это? – спросила она.

– Это? – переспросил папа-комендант. – Это «Кон-ХОР-с» – конкурс хоров. Победитель получит сто тысяч крон и пятьдесят эре. Плюс собственную передачу на телевидении. Плюс поездку в Данию с проживанием в кемпинге.

– Плюс бесплатное обслуживание в течение полугода у парикмахеров в Моссе и Воссе, – добавила мама. – Плюс...

– А кто поет? – спросила Лисе.

– Хор Халлвара Теноресена, – пробубнил папа.

– Кто такой Халлвар Теноресен?

– Кто такой Халлвар Теноресен? – удивилась мама. – Ну, знаешь, Лисе, честно говоря, тебе надо больше читать в пресе о выдающихся людях. Халлвар Теноресен – поющий мануальный терапевт из шведского Йёнчёпинга. Самый симпатичный хормейстер к югу от Норботена. Смотри, какой милашка. Странно, что он не женат.

– Совсем не странно, что он не женат, – буркнул папа-комендант.

Лисе посмотрела на хористов – они широко открывали рты, пели и улыбались. Она пошла спать.

Лежа в постели, Лисе выключила бра в изголовье, включила карманный фонарик и осветила на желтый дом через улицу. И как и всегда, там загорелся свет и маленькие пальчики стали показывать театр теней. Сегодня вечером Лисе увидела икающего человечка, как он катится по льду и падает. А вот длинноносая женщина помогает ему встать. Ка-

жется, мужчина хочет ее поцеловать, но она его отталкивает. Лисе долго и громко смеялась. И забыла, что она забыла про то, что забыла. Когда театр кончился, Лисе мгновенно уснула и спала, как всегда, крепко. Поэтому она так и не узнала, что, когда снег перестал идти, из люка на Пушечной улице раздалось странное бормотание. Оно поднималось вверх, к луне, которая, сонно моргая, взирала с небес на город Осло, и время от времени переходило в пение.

Глава 3

Семиногие пауки и Аполлон-11

На следующий день в школе все только и обсуждали, что конкурс хоров, и каждый говорил, за кого он голосовал.

– За хор Халлвара Теноресена, – сказали одни.

– За хор, где дирижером Халлвар Теноресен, – сказали другие.

А третьи совсем коротко:

– За Халлвара Теноресена.

Последний тур «Кон-ХОР-са» проходил накануне вечером. Все, конечно, посчитали своим долгом посмотреть, а смотрели больше всего на самого Халлвара Теноресена.

На большой перемене девочки расселись на скамейке в коридоре и, поглощая принесенные из дома завтраки, принялись обсуждать его шелковистые волосы, добрые голубые глаза под челкой и идеальные зубы, выстроившиеся ровным заборчиком во рту.

– Если серьезно, – сказала Беатрис, которая была не только самой красивой девочкой класса, но еще и первой ученицей по математике, гимнастике, прыжкам через скакалку и во всем прочем, – то мне как бы кажется, что нам надо создать собственный хор. И тогда на будущий год мы примем участие в конкурсе.

И как и всегда, девочки дружно закивали в ответ на предложение Беатрис. Все, кроме Лисе, – ей и без того оказали великую честь, позволив присесть на самом краю скамейки.

Беатрис отбросила прядь длинных светлых волос и занялась изучением свежего маникюра на ногтях:

– Я как бы совершенно уверена, что мы выиграем. Я считаю, что как бы достаточно посмотреть на нас. Мы как бы излучаем очарование и внутреннюю красоту, и все такое.

Лисе закатила глаза к небу, но никто из девочек не заметил этого. А если бы заметил, то вряд ли одобрил.

– Но как бы нам этот хор организовать, Беатрис? – спросила одна девочка.

– Это очень легко, – заявила Беатрис. – Нам не хватает всего-навсего как бы дирижера.

– Но как бы его найти?

И тут вдруг откуда-то сверху раздался крик:

– Дирижера?!

В ту же секунду прямо перед ними что-то мягко приземлилось на две пары башмаков двадцать восьмого размера. Среди веснушек сияли глаза. На голове красовалась огромная оранжевая шапка.

– Прекрасно, я возьмусь за эту работу!

– Откуда ты такой как бы взялся? – спросила Беатрис.

– С полки для шляп, – ответил Булле, смял обертку от завтрака и бросил, так что она пролетела по изящной дуге прямо в мусорную корзину рядом с Лисе. – Когда начинать?

Беатрис закатила глаза:

– Нам как бы предлагают обзавестись рыжим карликом в роли дирижера?

Остальные девочки захихикали.

– И кто тогда за нас проголосует? – прошептала одна из них.

– Будут только смеяться, – прошептала другая.

– Это не очень актуально, малыш, – сказала Беатрис.

– Мое предложение действительно еще пять секунд, – заявил Булле. – Четыре, три... Ну, что скажете?

Ответом было единодушное «НЕ-ЕТ!».

– Ну что же, – сказал Булле. – Но не просите дать вам еще один шанс, когда мы победим через год.

– Мы? – спросила Беатрис.

– Да-с, – ответил Булле.

– Кто эти «мы»?

– Лисе – сопрано, и я – тенор.

Девочки разразились истерическим хохотом, а Лисе рас-
терялась.

– Булле... – начала она.

– А название у вас есть? – фыркнула Беатрис.

– Ясное дело. – Булле стал выписывать в воздухе буквы, произнося название медленно и преувеличенно отчетливо: – «Совершенно Гармоничный и Очень Смешанный Хор Булле».

– Ха-ха, – насмешливо сказала Беатрис. – У вас как бы

хор из двух певцов? А у Халлвара Теноресена их не меньше тридцати.

– Кто сказал, что у нас два певца? – возмутился Булле. – У нас их больше.

– И как бы кто еще?

– Н-ну, доктор Проктор – баритон, – начал Булле и закрыл один глаз, считая на пальцах, словно запомнить всех было невероятно трудно. – И... среди альтов у нас есть его возлюбленная Жюльет Маргарин. И еще Перри, у него самый высокий дискант.

– А Перри это как бы кто?

– Это семиногий перувианский паук-упырь. Его верхние ноты такие высокие, что немзыкальный человек вообще не воспринимает их. Но голос очень красивый.

– Фи, – сказала Беатрис. – Ты как бы выдумываешь все это, как обычно, Булле. Все знают, что нет в природе никаких семиногих перу... перу...

– Ах нет? – сказал Булле. – Тогда поздоровайся... – он сорвал с себя оранжевую шапку, – с Перри!

Девочки вскрикнули. Некоторые уронили недоеденные бутерброды на пол. На голове у Булле действительно сидел черный кривоногий паук. Правда, его вид не был особо перувианским и не выдавал особой кровожадности или стремления петь, но это был, несомненно, паук. И если сосчитать, то да, у него было семь ног.

– И эт-то вот как бы может петь? – недоверчиво спросила

Беатрис.

– Конечно, – сказал Булле. – Неужели ты не слышишь? – Он закрыл глаза и стал раскачивать головой, напевая: – Аллилуйя, аллилуйя...

Девочки смотрели на Булле и паука, раскрыв рот. Лисе вздохнула. Это было еще более мучительно, чем обычно.

– Если серьезно, – сказала Беатрис, – то я слышу только тебя, глупый коротышка.

– Ну конечно, – вмешалась Лисе. – Он же сказал, что немзыкальный человек не может воспринимать высокие ноты пауков-упырей.

Беатрис широко раскрыла глаза. Она всегда и во всем была первой, а Лисе заявила, будто у нее, Беатрис, нет музыкального слуха!

– Аллилуйя, аллилуйя, – запела Лисе, стараясь качать головой в такт движениям Булле.

– Если серьезно, – фыркнула Беатрис и встала, – то мы, хористы, уходим отсюда.

И они, задрав нос, прошествовали мимо Лисе, Булле и Перри на школьный двор.

– Да-да, – сказала Лисе. – Такие они подруги. И такой у них хор. А мне они выделили местечко на своей скамейке.

– Теперь стало просторнее. – Булле подсел к ней. – И кому надо петь в хоре, когда можно играть в оркестре?

Подумав, Лисе решила, что Булле прав.

– Ничего не скажешь, замечательный паук.

Булле и Лисе вздрогнули от неожиданности. Потому что они не слышали шагов. Над ними нависала сгорбленная фигура учителя труда Грегора Гальваниуса. Он смотрел на них – или, точнее, на Булле – взглядом, в котором определенно чувствовалось нечто хищное.

– Господин Ик, – вырвалось у Булле.

– Господин Ик? – переспросил Гальваниус. Глаза у него были немного навыкате, веки дергались, взгляд был прикован к Перри. – Так ты назвал этого молодца?

– О, его? – сказал Булле. – Друзья зовут его Перри. Вы любите пауков, господин Гальваниус?

– Очень, – кивнул Гальваниус. Из рта у него выскочил длинный язык и облизнул губы. – Я вообще люблю насекомых, можно сказать.

– Вот как? – удивился Булле. – Это семиногий...

– ...перувианский паук-упырь, – подхватил Гальваниус. – Красивый и упитанный экземпляр.

Из уголка его рта потекла слюна.

Булле взял оранжевую шапку и осторожно надел ее на голову, прикрыв Перри.

– Холодно, – объяснил Булле. – У Перри мерзнут ноги, а когда у тебя семь ног, то бывает ужасно... зябко. Ведь правда?

Лисе вдруг поняла, что внимательно смотрит на обувь Гальваниуса. Она была новой. Совершенно новой. Ненор-

мально новой, можно сказать. Пожалуй, если подумать, это была самая новая обувь, какую доводилось видеть Лисе.

– Что здесь происходит? – услышали они голос.

Это был голос фрекен Стробе.

Гальваниус громко икнул и покраснел.

– А не пора ли вам отправляться на урок? – спросила учительница.

– Н-но ведь звонка еще не было, – пролепетала Лисе.

И в ту же секунду, словно по команде фрекен Стробе, зазвонил школьный звонок. Зазвонил рьяно, с жужжанием, словно шмель, заблудившийся в банке из-под варенья.

Булле и Лисе вскочили со скамейки и побежали в класс. Позади они услышали повелительный голос фрекен Стробе:

– Тебя это тоже касается, Грегор.

– Конечно, фрекен Стробе.

И Гальваниус припустил по коридору странными длинными прыжками.

Когда Лисе и Булле вернулись в класс и урок начался, Лисе увидела, что Беатрис и девочки шепчутся, фыркают и зло-радно поглядывают на нее с Булле. И Лисе подумала, что Булле прав. Кому надо петь в хоре, когда можно играть в оркестре? Сегодня вечером будет репетиция.

Глава 4

Хор и оркестр

Вся Норвегия, за исключением нескольких человек, сидела перед телевизорами, когда Калле Паппс, ведущий конкурса «Кон-ХОР-с», воскликнул, что пришло время финала и первым будет выступать...

Калле Паппс перешел на фальцет, показав рукой на сцену за собой:

– ...Халлвар Теноресен и хор «Фанни войсиз»!²

«Фанни войсиз» стояли в стильных черных облегающих костюмах. А перед ними, в еще более стильном, еще более черном и еще более облегающем костюме, – Халлвар Теноресен. С широкой улыбкой на лице он поднял обе руки, соединил большие и указательные пальцы так, словно держал в них что-то очень грязное, несколько раз странно качнул головой, как будто его дернуло током, и хор запел:

Мани, мани, мани,
Масс би фанни
Иннерич менс вё-ё-ёл³.

² «Веселые голоса» (англ.).

³ Начало одной из самых известных песен группы «АББА». Герои этой книги, мягко выражаясь, не очень хорошо говорят по-английски.

Во время исполнения третьего куплета Теноресен повернулся, улыбнулся в камеру и стал дирижировать так, словно все телезрители, сидевшие во многих тысячах домов, пели с ним.

По правде говоря, так оно и было. Все они сидели со своими чашками кофе, или бутылками шампанского, или с соской во рту и пели о том, что работать скучно, а быть богатым гораздо веселее.

Когда Теноресен закончил, на экране появился Калле Паппс и воскликнул:

– Восхитительно! Если вы хотите проголосовать за «Фанни войсиз», позвоните по номеру, который видите на экране!

72-00-95-1

И тут же в домах от Линдеснеса до Киркенеса люди бросились к своим телефонам и стали звонить. А пока другие хоры пели, стараясь показать лучшее, на что способны, люди в домах поглощали чипсы, попкорн, сырные шарики и все такое, громко восхищаясь потрясающим Халлваром Теноресеном.

В парикмахерском салоне в Хёнефоссе одна парикмахерша хихикнула:

– Хотела бы я сходить на сеанс массажа у этого Теноресена, м-да!

В кафетерии во Френе шофер-дальнобойщик прорычал:

– Я, понимаешь, слышал, что он может победить сразу трех взрослых мужиков в армрестлинге, одновременно меня колесо, играя на балалайке и вытирая посуду.

А в доме для престарелых в Рауфоссе самый старый пациент сказал дребезжащим голосом:

– В газете писали, что он поцеловал в губы шестьсот шестьдесят двух девушек и женщин. И еще нескольких мужчин, похожих на женщин. И еще одну женщину, про которую он подумал, что она мужчина, который думает, что он женщина.

Когда все хоры отпели свое и уже было без одной минуты семь, лицо Калле Паппса опять заполнило собой весь экран.

– Продолжайте голосовать, дамы и господа. Все наши линии будут принимать звонки до восьми часов. И тогда ре-

шится, кто станет победителем...

Он подал знак публике в зале, и все подхватили:

– «Кон-ХОР-са»!

Ровно в семь вечера Мадсен поправил свои летчицкие темные очки, откашлялся и поднял палочку. В спортзале перед ним сидели мальчики и девочки, трубы, кларнеты, малые барабаны, валторны, саксофоны, большой барабан и туба, то есть оркестр школы «Укрomный уголок» в полном составе. Минувшим летом оркестр был особо отмечен на фестивале хоров в «Стампеслетта»⁴. Судьи уверенно заявили, что это худший музыкальный коллектив, какой им доводилось слышать, что, не считая нескольких талантливых музыкантов (в первую очередь рыжеволосого коротышки-трубача), это сборище абсолютно немusикальных детей и надо быть настоящим энтузиастом, чтобы дирижировать им на протяжении длительного времени. И вручили Мадсену премию: немецкие ушные заглушки из натуральной кожи. Мадсен выбросил заглушки и назначил лишнюю репетицию в неделю.

А в эту минуту он вел предстартовый отсчет перед началом исполнения «Очень старого марша корпуса егерей», написанного уже после «Старого марша корпуса егерей», но прежде «Нового марша корпуса егерей». Он всегда вел обратный отсчет, как будто перед ним собиралась взорваться

⁴ «Стампеслетта» – многофункциональный спорткомплекс в городе Лиллехаммер, в котором проходили зимние Олимпийские игры 1994 года.

бомба:

– Четыре, три, два... – Мадсен мысленно вознес последнюю молитву, весь напрягся, крикнул: – Один! – и взмахнул палочкой.

Спустя три минуты он этой же палочкой нарисовал в воздухе крест. Это означало завершение «Очень старого марша корпуса егерей». И если не считать последнего запоздалого бляения саксофона, все музыканты закончили его более или менее одновременно.

– Гм, – хмыкнул Мадсен, когда наступила полная тишина.

Он задумался, что же сказать музыкантам об этом исполнении. Штука была в том, что вышло не так уж и плохо. Кое-какие помарки, конечно, были: занервничавший кларнет в какой-то момент сорвался в фальцет, парочку фальшивых нот издала валторна, разок неудачно бухнул большой барабан, да еще, похоже, кто-то из духовых от чрезмерного усердия пукнул. Но в общем и целом было хорошо. И даже очень хорошо.

Мадсен откашлялся, оркестр в напряжении смотрел на него.

– Ну, в общем, не так уж и плохо, – сказал Мадсен.

Мадсен всегда выражался очень сдержанно. Отсюда – «не так уж и плохо». Но если подумать, то «не так уж и плохо» было недостаточно высокой оценкой. Поэтому он откашлялся еще раз:

– Ну, в общем, совсем не так уж и плохо.

Несомненно, оркестр школы «Укрomный уголок» значительно продвинулся вперед после летнего провала на фестивале в «Стампеслетта». В душе Мадсена забрезжила – впервые за все то время, что он был дирижером, – робкая надеж-

да. В результате с ним случилось небывалое: он растрогался. Даже глаза под очками увлажнились. Он поправил очки, чтобы этого никто не увидел.

– Еще раз, – сказал он и вспомнил, что сначала надо откашляться.

Оркестр школы «Укромный уголок» сыграл еще раз. И еще раз. И каждый раз звучало все лучше и лучше.

– Еще разок, и сделаем перерыв, – сказал Мадсен.

Он поднял палочку. Но опустил ее, даже не начав обратный отсчет.

– Трульс и Трюм, вы куда?

Трульс и Трюм уложили в чехлы свои малые барабаны, застегнули на молнии толстые куртки-пуховики, отчего стали похожи на комплект автомобильных покрышек, и направились к двери.

– Домой, голосовать за Теноресена, – ответил Трульс. – Через полчаса звонки перестанут принимать.

– Но репетиция еще не закончилась, – возразил Мадсен.

– Чихать мы на это хотели, – заявил Трульс. – Мы вообще уходим из оркестра.

– Ух-ходите? – Мадсен поправлял и поправлял очки, но никаких сомнений в том, что он видел и слышал, не было.

Эти два лоботряса решили уйти из его оркестра!

– Не можете же вы уйти сейчас! – крикнула Лисе. – Сейчас, когда мы наконец стали звучать как нормальный оркестр.

– Закрой пасть, вонючка, – сказал Трульс. – И от вашего оркестра воняет.

– Воняет за километр, – подхватил Трюм и открыл дверь.

– Подождите! – крикнул Мадсен – А что вы будете делать?

– Мы переходим в хор.

– В хор? – Мадсен не поверил своим профессионально чутким ушам. – Кому надо петь в хоре, если можно играть в оркестре?

– Нам, – сказал Трульс. – И им.

Он показал на Беатрис и двух ее подружек, которые тоже прятали инструменты.

– И им, – сказал Трюм и показал на всех троих валторнистов, которые уже защелкивали замки на футлярах инструментов.

– Что происходит? – закричал Мадсен и постучал палочкой по краю пюпитра.

Но это не помогло. Напротив, все больше музыкантов укладывали свои инструменты в футляры.

– Бунт на корабле! – крикнул Булле и запрыгнул на стул.

Но никто его не слышал. Все торжественно удалились, а Беатрис, уходявщая последней, показала Булле язык и хлопнула дверью.

Когда вновь воцарилась тишина, Лисе окинула взглядом спортзал. Кроме нее, Булле и Мадсена, в зале осталась только Янне, игравшая на тубе. Янне никогда ни с кем не разговаривала. Стекла ее очков были частично заклеены пласты-

рем, чтобы январский снег не слепил ей глаза.

Мадсен стоял перед ними, руки его висели как плети, нижняя губа дрожала. Он долго стоял так, пока губа не перестала дрожать. Потом поправил очки, поднял палочку и обратил взор к трем оставшимся музыкантам:

– Все готовы исполнять «Очень старый марш корпуса егерей»? Четыре, три, два, один...

Вернувшись домой, Лисе расстегнула сапоги, сняла их и поставила в шкаф.

Вошла в гостиную. Мама и папа сидели в креслах перед телевизором, на экране Теноресен с охапкой цветов сиял на все стороны улыбкой.

– Привет, какие новости? – спросила Лисе.

– Теноресен и «Фанни войсиз» только что победили на конкурсе! – со счастливой улыбкой сообщил папа. – Ты тоже рада?

– Привет, дружок, – сказала мама, не оборачиваясь. – Бутерброды в холодильнике.

– Все музыканты оркестра ушли, чтобы петь в хоре, и...

– Тсс! – шикнула мама. – Теноресен будет дирижировать еще раз.

Мама и папа наклонились вперед, поближе к телевизору.

Лисе вздохнула, вышла на кухню и взяла два холодных бутерброда с белым сыром. Из гостиной до нее доносилось пение, родители подпевали:

– Любовь... Спрекрасней слова нет на земле...

Выпив молока и почистив зубы, Лисе вошла к родителям. «Кон-ХОР-с» завершился, и диктор сообщил, что после выпуска новостей Халлвар Теноресен расскажет нации в большом интервью о своей победе на конкурсе.

– Спокойной ночи, – сказала Лисе и обняла маму и папу.

– Вот что я забыла, – спохватилась мама. – На родительском собрании позавчера фрекен Стробе сказала, что ты могла бы почаще поднимать руку. Ведь ты всегда знаешь правильный ответ.

– Хорошо, – согласилась Лисе.

Не могла же она объяснить, что Булле всегда успевает ответить прежде, чем она поднимет руку. Хотя его ответы обычно не очень-то связаны с вопросом.

– Между прочим, мы тут познакомились с вашим новым учителем труда и художественного воспитания, – сказал папа. – Господином Гальваниусом, кажется...

– Мне он показался жутковатым. – Мама поежилась. – Когда мы обменивались рукопожатием, его рука показалась мне какой-то студенистой. Спальцы тоже странные, как будто между ними рыбы сплавники.

Папа-комендант засмеялся, услышав слова мамы-комендантши.

– Ха-ха. Ты спреувеличиваешь, дорогая. Или это правда, Лисе?

– Мм, – протянула Лисе.

Она не слышала вопроса. Потому что в это время диктор по телевизору сообщил маленькую новость, которая потрясла ее. Новость была такой незначительной, что ее можно было пропустить мимо ушей, она и спряталась между новостью об ужасном землетрясении где-то на другом конце планеты и прогнозом погоды. Фактически новость состояла из одного предложения. И все же волосы у Лисе встали дыбом. В точности так, как когда она в спортзале смотрела на штандарт оркестра.

– Спокойной ночи, золотко мое, – сказал папа и поцеловал Лисе в лоб.

Но когда Лисе легла и попробовала заснуть, в голове ее закрутилось все то же короткое предложение. Новость была такой маленькой, что диктор прочитал ее с улыбкой: «Полиция сообщает о волне краж носков».

Глава 5

Ледяные снежки и высасывание мозга

Проснувшись на следующее утро, Булле сразу почувствовал: что-то изменилось. Он не знал, что именно, почти все было в точности как всегда. Например, его старшая сестра Ева заперлась в ванной и предложила ему убираться и не мешать наводить красоту.

– Хочешь сказать, ты там прыщи давишь? – спросил Булле из коридора.

– Заткнись, чучело огородное! – заорала она. – Я ж тебя не прашиваю, чем ты занимаешь в ванной.

Булле спустился на кухню. Сделал четыре бутерброда. Один съел, два завернул в бумагу, чтобы съесть в школе. Последний бутерброд положил на тарелку и вместе со стаканом апельсинового сока и утренней газетой понес к маме в спальню.

Он положил все это на столик у кровати и осторожно потряс маму:

– Проснись, о мать всех матерей. Сияющий день уже спешит нам навстречу.

Мама повернулась в постели, подозрительно посмотрела на него одним глазом, в котором лопнул сосудик, пару раз

причмокнула со сна и пробормотала:

– Ты, как всегда, дуришь, Булле.

– «Ожидаются восемь градусов мороза и солнце», – прочитал в газете Булле.

– Перестань дурить и прочитай мне заголовки. – Мама закрыла глаза и снова отвернулась к стенке.

– «Триумф Халлвара Теноресена!» – читал Булле. – «В большом интервью победитель конкурса заявил, что Норвегией управляют неправильно, ничто не работает как надо, король и премьер-министр никуда не годятся и гордому норвежскому народу необходимо как можно скорее избрать вождя, который знает, что делать. Такого, который знает, как заставить людей трудиться сообща. Как это происходит в любом хоре».

– Мм. Есть другие новости?

– Посмотрим... – Булле протер глаза и только после этого заметил крохотный заголовок под огромной фотографией Халлвара Теноресена. – Кажется, где-то было сильное землетрясение.

– Где? – крикнула из ванной сестра.

Булле попытался разобраться:

– Нет, не могу прочитать.

– Неинтересно, – сказала мама. – Почитай еще про Теноресена.

– «По словам Теноресена, время не ждет», – читал Булле. – «„Если народ захочет, я готов взять на себя миссию по

вытаскиванию Норвегии из грязи“, – заявил Теноресен в своем телевизионном интервью».

Булле громко рассмеялся.

– Над чем ты смеешься, балда? – крикнула сестра, стоя в двери ванной.

На ее лице алели маленькие вулканы.

– Этот Теноресен, – сказал Булле, – думает, что именно ему надо взять на себя управление Норвегией. Только представьте! – Булле нарисовал в воздухе заголовок газеты: – «Поющий мануальный терапевт захватывает власть в Норвегии».

Булле затрясся от смеха, но остановился, когда увидел, как мама и Ева смотрят на него.

– А на кого еще, кроме Теноресена, мы можем положить-ся? – холодно спросила мама. – Может быть, на тебя?

Еву рассмешила шутка мамы, а мама рассмеялась еще больше оттого, что Ева смеется над ее шуткой. Булле посмотрел на часы, отложил газету и вышел из гостиной, чтобы взять ранец.

Мама крикнула ему вслед:

– Прежде чем уходить, поставь на плиту скофейник!

Булле, как всегда, дожидался Лисе у ворот ее дома. Она вышла с рюкзаком за спиной. И как всегда, без единого слова они зашагали по Пушечной улице. Так у них было заведено.

– Все нормально, – сказала Лисе, когда они подошли к дому Трульса и Трюма. – И все-таки что-то не так, как будто... как будто...

– Как будто что-то совершенно ненормально? – предположил Булле. – Ты тоже заметила?

– Мама и папа не производят впечатления нормальных.

– У нас то же самое, – сказал Булле. – Если не считать того, что моя сестра и мама по жизни ненормальные.

– И почти все музыканты уходят из оркестра. Как ты считаешь, это нормально?

– Нет, это абсолютно и совершенно ненормально. Жутко ненормально, попросту говоря.

– Но в семействе Тране, во всяком случае, все нормально. – Лисе кивнула в сторону изгороди, окружавшей виллу. –

В смысле, как всегда.

Так оно и было. Трульс и Трюм Тране стояли у сугроба за оградой и смотрели на них, злобно ухмыляясь, выжидая и держа наготове снежки. Обычно Лисе и Булле, пробегая мимо, получали вслед пару снарядов, но успевали увернуться, потому что Трульс и Трюм за последний год так растолстели, что руки плохо их слушались.

Однако Лисе чувствовала, что сегодня им так легко не отделаться.

Двойняшки перепрыгнули через изгородь и преградили дорогу Булле и Лисе. У каждого в руке был огромный снежный шар. И по тому, как на поверхности шаров заиграли первые солнечные лучи, Лисе поняла, что Трульс и Трюм полили их водой. Снежки были ледяными.

Булле тихо сказал:

– Лисе, спокойно. Предоставь это мне.

Лисе посмотрела на своего крохотного друга. Да, он часто раздражал ее, порой бывал невыносим и вдобавок был неряхой. Но она не знала более мужественного человека, чем он. Хотя иногда его мужество граничило с тем, что принято называть глупостью.

– Доброе утро, капитан Тране и капитан Тране! – торжественно возвестил Булле, сверкая улыбкой. – Ведь на головах у вас капитанские фуражки, не правда ли?

– Фуражки хористов, – хором сказали двойняшки с гордым видом.

Фуражки были белые с черным блестящим козырьком и кистями на шнурах.

– Хористов? – переспросил Булле. – Значит, вы не только играете на барабанах, но еще и поете? Кто бы мог подумать, что в этих крохотных телах прячется столько талантов!

– Талантов? – Трульс подозрительно прищурил один глаз. – Разве не ты заявил перед Рождеством, что чувство ритма у нас, как у двух печек? И за это мы тебя как следует вздули! – засмеялся Трульс. – Ха-ха!

– Надо добавить! – сказал Трюм и поднял руку с ледяным снежком.

– Но ведь я говорил не просто про печи, – сказал Булле, – а про печи Йотуль. Все знают, что нет печей с более развитым чувством ритма, чем печи Йотуль. Может быть, вы слышали о других печах, которые так хорошо пыхтят в ритме две четверти?

Трульс и Трюм смотрели на Булле, широко раскрыв рты. Пар вырывался оттуда, словно дым из печных труб.

– Он нам лапшу вешает, – прошептал брату Трюм.

– Но... – прошептал Трульс, – я верю ему, когда он говорит, что я хороший барабанщик.

– Это потому, что тебя легко обмануть, – прошептал Трюм.

– Да, меня легко обмануть, – кивнул Трульс.

– Будем бросать, – прошептал Трюм. – В голову.

– Да-да, разобьем его мерзкую башку, – подхватил Трульс и поднял руку с ледяным снежком.

– Позвольте, я немного облегчу вам кидание снежков в мою голову, дорогие братья Тране, – сказал Булле и снял с головы оранжевую шапку.

– Ха-ха! – засмеялись близнецы и отвели назад руки как

можно дальше.

– А что это у него на голове? – спросил Трюм.

– Животное, – сказал Трульс.

– Я вижу, что животное, но какое?

– Маленькое животное.

– Может быть, это вошь?

– Да, – засмеялся Трульс. – У гномика водятся вши! Кидай!

– Приступайте. – Булле стоял совершенно неподвижно и улыбался. – Но как ваш добрый сосед, я обязан сделать предупреждение о последствиях бросания ледяных снежков в семиногого перувианского паука-упыря.

– Бросаем в голову! – крикнул Трульс.

– Подожди! – сказал Трюм. – Какое еще пре... предупреждение?

– Видите ли, – начал Булле, – будучи перувианцем, этот паук-упырь вырос в покрытых снегами, истерзанных постоянными войнами Андах, где снежки – часть суровой повседневной жизни. Вы слышали о тридцатилетней войне снежками? Нет? Хорошо, я скажу так. Если в Перри попадает снежок, он инстинктивно...

– Подожди! – сказал Трульс. – Что значит «инстинкт...»?

– Это значит «мечь»! – крикнула Лисе и удивилась, услышав собственный голос. Но все равно продолжила: – Он заползает в ухо тому, кто бросил снежок. И ползет до самого

мозга...

– Ой! – сказал Трюм.

Трульса так поразила эта новость, что он попробовал засунуть в ухо палец, но забыл, что на руках варежки.

– И начинает высасывать, – не унималась Лисе.

– Высасывать?! – хором закричали двойняшки.

– Пока не высосет... – прошептал Булле.

Трульс и Трюм машинально наклонились к нему.

– ...весь мозг. – Он с хлопаньем втянул ртом воздух, и двойняшки испуганно отскочили на шаг назад.

– Сначала из памяти исчезают таблица умножения и названия стран Европы, – сказала Лисе. – Потом все, чему учили в школе. – Ей показалось, что это не произвело впечатления, и она продолжила: – Ты забываешь ноты песни «Да, мы любим этот край», имена всех своих друзей, дорогу домой, и наконец ты забываешь, как тебя зовут.

Но Трюм только зевнул.

– А потом... потом... – продолжала Лисе, – потом...

Трульс поднял над головой руку со снежком.

– Ты разучиваешься есть, – сказал Булле. – Становишься тонким, как спичка, и умираешь с голоду.

Трульс и Трюм уставились на Булле широко раскрытыми испуганными глазами.

– Ну вот, опять, – заикаясь, сказал Трульс. – Он нам лапшу вешает!

– Фи! – сказал Трюм, протянул руку к голове Булле, потом

вернул ее назад и раскрыл варежку.

В варежке сидел Перри.

– Ха-ха! – с триумфом произнес Трюм. – Я его схватил!
Самый обыкновенный паук!

– Оторви у него ногу! – крикнул Трульс и запрыгал. – Нет, оторви три ноги! И будет тогда трехногий перу... перуви... паук-упырь!

– Я бы не советовал это делать, – сказал Булле.

Близнецы обернулись к нему.

– Всем известно, что трехногий перувианский паук-упырь втрое опаснее семиногого!

Близнецы уставились на паука.

– Лучше ты, – сказал Трюм и протянул варежку с пауком брату.

– Я? – сказал Трульс и отскочил. – Нет, уж лучше ты!

– Нет, ты! – сказал Трюм и взмахнул варежкой.

– Ты!

– Позвольте, это сделаю я! – вызвался Булле и отнял варежку.

Он осторожно взял Перри и усадил его себе на голову. Потом надел оранжевую шапку и отдал варежку Трюму.

– Но только тогда, когда вернусь домой, – сказал Булле. – Подобные операции с пауками должны проводиться при соблюдении строгих правил, специальной газовой горелкой, под наркозом и в присутствии взрослых. О'кей?

– О'кей, – тихо согласился Трюм.

– Пусть о'кей, – сказал Трульс.

– Желая вам узнать еще много нового в этот прекрасный день, – сказал Булле.

И Лисе с Булле продолжили путь в школу.

– Я не знал, что ты способна на это, – сказал Булле, когда они отошли достаточно далеко.

– На что? – спросила Лисе.

– «Забываешь таблицу умножения и ноты “Да, мы любим этот край”». Ты сочиняешь лучше меня.

– Никто не сочиняет лучше тебя, Булле.

Она с хлопаньем втянула ртом воздух. И они рассмеялись так, что толкнули друг друга и чуть не упали на скользком льду.

Так они и шли дальше, обмениваясь дружескими тычками, хохоча и издавая хлопающие звуки.

Только в середине первого урока, когда фрекен Стробе заговорила о распространенных дефектах речи у норвежцев, Лисе все поняла. Поняла, что именно было не так. С ее родителями. И со многими другими людьми тоже. С Трульсом и Трюмом. С Беатрис.

И если хорошенько подумать, то это касалось всех людей вокруг нее. И когда она это поняла, у нее не только волосы на голове, но и почти незаметные волоски под мышками тоже встали дыбом.

Глава 6

Аистоед, крыса чайкоподобная и муравей-монстр

– Помнишь, как вчера доктор Проктор сначала сказал «похититель носков», а потом «дефект речи»? – спросила на перемене Лисе. Они с Булле стояли на сугробе в школьном дворе и смотрели сверху вниз на остальных школьников, захлеб обсуждавших Халлвара Теноресена и «Фанни войсиз». – Вчера папа произнес «струда» вместо «труда», а мама «сплавники» вместо «плавники». Разве это не дефекты речи?

– Может быть, это случайно? – предположил Булле. – Может быть, они плохо произносят «т» и «п». Как бы путаются.

– Нет, ты подумай хорошенько, – сказала Лисе. – Разве ты не заметил, что в последнее время почти все стали говорить так?

Булле подумал.

– Раз уж ты это говоришь, – сказал он, – то сегодня утром мама просила меня поставить на плиту «скофейник». А сестра сказала «прашиваю» вместо «спрашиваю».

– Но это же обратный случай!

– У моей сестры вообще крыша набекрень и все наоборот.

– И еще, – сказала Лисе. – Ты знаешь, что передали вчера

в новостях?

– Что женщины в ходе всемирного опроса выбрали Булле мужчиной года?

– Нет. Что у людей все чаще воруют носки.

– Ой, – сказал Булле. – Это похититель носков. Ты думаешь, что...

– Я думаю, что-то происходит, Булле. И я думаю, доктору Проктору что-то известно, но он не хочет нам рассказывать.

– Перестань меня пугать, Лисе.

– Я это чувствую, Булле! Неправильно написанное слово на штандарте оркестра, следы от мокрых носков... Что нам делать?

– Сказать кому-нибудь из взрослых.

– Но взрослые сами говорят «спобедитель». Разве мы можем положиться на них?

Булле почесал надбородок. Ой, извините, подбородок.

– Но доктор Проктор, – сказал Булле, – по-прежнему говорит «победитель».

– И уводит разговор в сторону, стоит попытаться его расспросить, – вздохнула Лисе. – Булле, нам придется разбираться самим. Все это так или иначе имеет отношение к тому существу.

– Гм, – протянул Булле. – В таком случае пора начать расследование. И местом, где его нужно начать, является, конечно, «Жэкаэнтэвээлбээнбэ».

Лисе кивнула. Ясное дело, это «Животные, которых, на

твой взгляд, лучше бы не было». Она никогда не видела этой книги, но Булле уверял, что в ней больше шестисот страниц и почти все написал его дедушка.

После уроков Булле и Лисе прибежали на Пушечную улицу.

– Книга лежит у меня дома, – сказал Булле и обернулся, потому что Лисе остановилась на пороге.

Лисе думала о том, что она никогда еще не была дома у Булле, хотя они жили через улицу.

– Идем, – прошептал Булле.

Она неуверенно вошла в коридор. Наверное, Булле говорит шепотом, потому что ему не разрешают приводить друзей, подумала Лисе. Она никогда не спрашивала его об этом, но про себя никогда не сомневалась. Вообще-то, ей и не хотелось к Булле в гости. Его мама и сестра были малость того. Лисе осмотрелась и принялась. У всех домов есть свой запах. У всех, кроме ее собственного. Но ведь, наверное, со всеми людьми так, подумала она. Запах собственного дома не чувствуешь. А в доме Булле пахло... Да, чем же пахло? Сигаретами и духами, может быть? Во всяком случае, пахло иначе, чем от самого Булле. Да у него и не было почти никакого запаха, у этого Булле.

Она сняла сапожки и прокралась вслед за Булле. Мимходом заглянула в гостиную с телевизором, диваном и большим портретом сестры и мамы над диваном. Потом осто-

рожно пошла вслед за Булле вверх по лестнице. И вбежала в его комнату. На голубых стенах висели портреты всех известных ей поп-звезд плюс парочка ей неизвестных. С потолка свешивалась модель планера. Булле уселся на кровать и стал листать книгу с пожелтевшим истрепанным кожаным переплетом, размером ненамного меньше его самого.

Лисе пристроилась рядом с ним.

– Давай посмотрим «носкокрад», – сказал Булле.

Он принялся перелистывать страницы, Лисе видела изображения и описания животных, которых, на ее взгляд, определенно лучше бы не было. Честно говоря, она сомневалась, что они вообще когда-то были. Если эту книгу на самом деле написал дедушка Булле, возможно, он, как и его внук, не всегда строго придерживался истины, если только истина не казалась ему смешной.

Они листали книгу с самого начала. Первым шел «АИСТОЕД»: животное, похожее на кирпичный дом, с ртом как печная труба – приманкой для аистов.

– Нигде ничего нет про похитителей носков, – сказал Булле. – Посмотрим «дефект речи».

Но такого тоже не было.

– Гм, – сказал Булле. – Как жаль. – И тут его лицо просветлело. – С другой стороны, если это существо – не животное, которого, на твой взгляд, лучше бы не было, оно не может быть особенно опасным. – Он хотел захлопнуть книгу.

– Подожди, – остановила его Лисе. – Доктор Проктор сказал кое-что еще. Он сказал не полностью, он только начал: «Лунный ха...» – Она так напрягла извилины, что даже волосы закрутились кудряшками. – Он сказал: «Лунный ха...». Булле полистал.

– Так, крысы чайкоподобные, – сказал он, – мура-

вей-монстр, никакого «лунного ха...».

– Да ты посмотри получше, вот же, – сказала Лисе и показала на статью между «КРЫСАМИ ЧАЙКОПОДОБНЫМИ» и «МУРАВЬЕМ-МОНСТРОМ».

Булле прочитал по буквам:

– «Л-У-Н-Н-Ы-Й Х-А-М-Е-Л-Е-О-Н».

Лисе стала читать вслух и почувствовала, как волосы ее встают дыбом:

– «Хамелеонус Лунариус. Ареал обитания: Луна (хочется верить, только она). Пища: все, на чем есть мясо, особенно люди. Желательно в вафлях. Пьет кровь и свежесваренный чай. Внешний вид: к сожалению, описания, рисунки или другие изображения этого ужасного существа отсутствуют. Потому что тот, кто видел лунного хамелеона, очевидно, больше уже ничего не увидит. Но существует возможность узнать о приближении лунного хамелеона по мягкому шаркающему звуку, какой издают носки при ходьбе по деревянному полу».

– Тсс! – зашипел Булле.

Они прислушались. И услышали, как что-то шелестит за дверью. Мягкий шаркающий звук...

– Под кровать! – прошептал Булле.

Лисе как можно быстрее скользнула под кровать и услышала, как открылась дверь.

Визгливый голос произнес:

– Есть хочу!

Лисе замерла.

Голос Булле ответил:

– Вот сделаю уроки и буду готовить ужин.

Кто-то фыркнул:

– Какие уроки? Разве ты не знаешь, что если делать все уроки, то тебе будут задавать все больше и больше уроков!

– Я скоро приду к тебе, мама. А пока иди и опять ложись в постель.

– И пожалуйста, сегодня не делай дырок в картошке. А то я не устрою тебе дня рождения.

– Мама, мне никогда не устраивали дня рождения.

– Whatever!⁵

Дверь снова захлопнулась.

Лисе подождала немного и, когда стало ясно, что мама-монстр не вернется, осторожно выползла из-под кровати. Булле все еще сидел на кровати, уткнувшись курносым носом в книгу.

– И что? – спросила она.

– Перспективы мрачные, – сказал Булле, продолжая изучать книгу.

Вид у него был серьезный, серьезнее, чем доводилось видеть Лисе. И печальнее, чем у кладбища. Или даже у двух кладбищ.

– Я слышала, – сказала Лисе. – У тебя не будет дня рождения.

⁵ Ну и что! (англ.)

– Речь не о днях рождения, – поправил ее Булле и ткнул пальцем в книгу. – Речь о том, что дня рождения, возможно, не будет больше ни у кого из нас. Да и Рождества тоже.

– Как это... не будет Рождества? – переспросила Лисе, не удивившись дрожи в собственном голосе.

Потому что Булле мог пошутить, но он никогда не шутил по поводу Рождества. О чем бы ни шла речь.

– И ч-что ты хочешь этим сказать?

– Я хочу сказать, что близится конец света, – ответил Булле.

Глава 7

Конец света

Лисе и Булле нашли доктора Проктора в мастерской в подвале синего дома. Он прибавал подошвы к башмакам равновесия. Увидев гостей, он просветлел.

– Идемте! – Он сдвинул свои мотоциклетные очки на лоб и пошел впереди ребят к прачечной.

Там он осторожно поставил башмаки на бельевую веревку, которая тянулась по всему помещению. Сначала один, потом другой. И что? А то, что они остались стоять на веревке.

– Невероятно! – крикнул Булле так весело и восторженно, что Лисе пришлось дважды кашлянуть, чтобы он вспомнил, зачем они сюда пришли, после чего Булле принял более подобающий моменту серьезный вид.

– Мы прочитали о лунном хамелеоне, – сказала Лисе.

Доктор Проктор с испугом посмотрел на них.

– Как, вы прочитали о... о...

– И теперь понимаем, почему вы не хотели рассказывать нам о нем, – сказала Лисе. – Это не для детей.

– Но где вы вообще могли прочитать о лунном хамелеоне?

– В книге «Животные, которых, на твой взгляд, лучше бы не было», – ответил Булле. – На триста пятнадцатой страни-

це.

Доктор Проктор так и сел.

– Но ведь лунный хамелеон – всего лишь миф.

Я впервые услышал о нем, когда учился в Париже. Страшилка тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года, когда первая ракета вернулась с Луны на Землю... Ходили слухи, что она принесла с собой что-то. Или кого-то. Невидимого. Или, точнее, того, кто может превращаться в кого угодно. Отсюда название «лунный хамелеон». Тогда про него рассказывали жуткие вещи, но я и не вспоминал об этом до тех пор, пока вы не рассказали о невидимом существе, о следах от носков и ошибках в словах. Все совпадало, вот только мне не хотелось вас пугать. Это была всего-навсего страшилка, а все страшилки, как известно, ложь. – Он посмотрел на Лисе и Булле. – Или нет?

Они не ответили.

Проктор нервно потер руки:

– Так-так! Ну и что же о нем написано в твоей книге?

Булле стал рассказывать, а Лисе помогала, если он что-то забывал.

– Помимо способности сливаться с любым фоном, – говорил Булле, – у него есть страсть к хищению носков. Пока люди смотрят телевизор, он сходит с экрана во время прогноза погоды или трансляции футбольного матча, проплывает через комнаты в прачечную, извлекает из стиральной машины носки и натягивает на себя. Мы видели в спортзале следы

мокрых носков.

Проктор почесал подбородок:

– Я тоже слышал о кражах носков, но не верю в это.

Булле вздохнул и показал на ноги доктора Проктора.

– Посмотрите на себя. У вас один носок красный, а другой синий. Вы можете это объяснить?

– Ну зачем же объяснять? – пробормотал Проктор. – Второго красного носка просто не было.

– Вот видите. Загадочным образом из стиральной машины исчез один красный носок, разве не так?

– Да нет же, он сгорел в тостере, когда я его там сушил.

Лисе засмеялась, а Булле застонал.

– Неважно, – сказал он. – Каждый день во всем мире пропадают носки. Загадка носков остается нераскрытой, люди изумленно смотрят друг на друга и говорят: «Какого дьявола, куда они подевались?» Но ведь это всего-навсего носки, о них тут же и забывают. Миллионы носков! Мириады следков. Галактики сшитых, связанных на спицах и крючком клетчатых и полосатых чулок!

– Но зачем лунным хамелеонам носки и чулки? – спросил Проктор.

– А вы как думаете? – спросил Булле.

– Э-э...

– Ноги мерзнут, – сказал Булле.

– Тогда почему просто не обуться?

Булле изобразил на лице гримасу.

– Им никакая обувь не подходит. Следы на снегу показывают, что лунные хамелеоны имеют самые длинные, самые острые и запущенные когти, какие только можно себе представить. Эти когти протирают дыру в носке за один раз. Поэтому приходится все время похищать новые. А что еще хуже, лунных хамелеонов не поймать, у них нет слабостей. Ну, если не считать беды с правописанием.

– Что-что? – воскликнул Проктор.

Лисе откашлялась:

– Если верить книге «Животные, которых, на твой взгляд, лучше бы не было», лунные хамелеоны пишут с большим количеством ошибок.

– Ужасно пишут, – подтвердил Булле.

– Чаще всего они делают удвоение согласных там, где оно совсем не нужно, – сказала Лисе. – Это обстоятельство позволяет быстро вычислить лунного хамелеона. Допустим, если они камуфлируются под объявление «В продаже карамельный пудинг», то непременно напишут «Каррамельный пуддинг».

– К-А-Р-Р-А-М-Е-Л-Ь... – по буквам произнес Булле. – Вы понимаете?

Проктор кивнул.

– А потом П-У-Д-Д... – сказал Булле.

– Мне кажется, доктор Проктор уже все понял, – остановила его Лисе.

– Прекрасно, – сказал Булле. – Лисе увидела на штандарте оркестра школы слово «ОРККЕСТР». В действительности там, перед штандартом, стоял лунный хамелеон!

– Ужас! – сказал Проктор.

– Вдвойне ужас! – сказала Лисе.

– А что насчет дефекта речи? – спросил Проктор.

– Гипноз, – сказала Лисе.

– Гипноз?

Проктор посмотрел сначала на Лисе, потом на Булле, тот медленно кивнул.

– Об этом написано в «Жэкаэнтэвээлбээнбэ», – сказал Булле. – Если закамуфлированный лунный хамелеон посмотрит на вас две минуты или больше, он вас загипноти-

зирует. И вы будете делать все, что он захочет. Есть только один признак, который позволяет определить, что человек загипнотизирован: это дефект речи.

– И есть только один способ снять этот гипноз, – продолжила Лисе.

– И какой же?

– Тоже гипноз, только более сильный.

– Или можно испугать человека, – сказал Булле и оскалил зубы. – Грррр!

– Гм, – задумчиво хмыкнул доктор Проктор. – Много же вы узнали из этой книги, как я вижу.

Булле и Лисе кивнули.

– В таком случае вы поняли, что в книгу это существо попало не из-за дефекта речи, орфографических ошибок или краж носков.

Они покачали головами. Лисе закрыла глаза и сосредоточилась.

– Триста шестнадцатая страница, – сказала она и стала цитировать по памяти: – «Никто не знает, где они прячутся на Земле, известно только, что они избегают дневного света. Если тебе не повезло и ты увидел лунных хамелеонов среди бела дня, значит грядет что-то ужасное. Сверхужасное на самом деле. Ультрасверхужасное, если говорить точнее. А если быть абсолютно и беспредельно точным – конец света».

Несколько секунд в подвале было так тихо, что если бы иголка вдруг упала в большой стог сена, то они услышали

бы. Ни больше ни меньше.

Наконец доктор Проктор мрачно кивнул:

– Конец света. Как раз о конце света и ходили тогда слухи.

– Да-да, – сказал Булле. – Давайте посмотрим на это с хорошей стороны. Если бы нам не грозил конец света, как бы мы могли спасти от него мир? Разве не так?

– Уфф, – вздохнул Проктор. Он выглянул из подвала и увидел, что уже стемнело. – Все это звучит так неприятно, что мне кажется, пора нам отправиться на кухню и приготовить карамельный пудинг.

А в это время перед дворцом – большим желтым каменным зданием в центре Осло – один из двух часовых насто-роженно оглядел просторную, покрытую снегом площадь.

– Эй, Гуннар, ты, поди, тоже слышал? – спросил он и подкрутил торчащий вверх ус.

– Чего-чего, Ролф? – отозвался его напарник и пригладил свисающие усы.

– Слышь, вроде кто-то прошел мимо нас.

– Ничего не видать, – сказал Усы-Вниз и уставился в темноту. Потом повернулся к фасаду, где светилось одно-единственное окно. – Ну, это всяко не сам король, вон он все сидит и сидит там над своим кроссвордом.

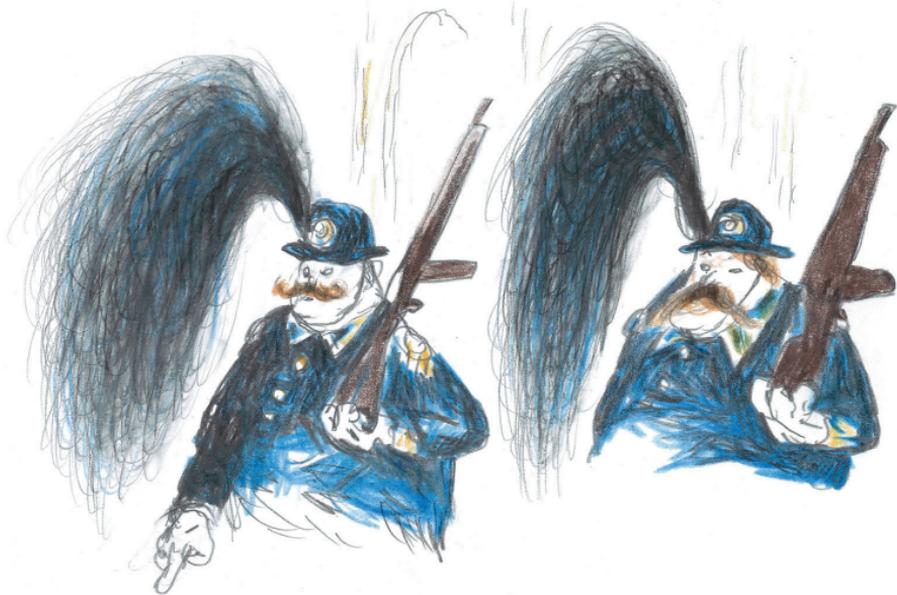
– Глянь-ка! – сказал Усы-Вверх.

Усы-Вниз повернулся. Его напарник показал что-то на снегу. Усы-Вниз снял с головы черную форменную шляпу с

нелепым плюмажем и наклонился.

– Это следы вроде как собаки, – сказал он.

– Собаки, которая давненько не стригла ногти, – добавил Усы-Вверх.

– И ходит вроде как на двух ногах, – сказал Усы-Вниз.

– Да-да, – сказал Усы-Вниз и зевнул. – Странные нынче пошли собаки.

– Извиняйть.

Двое часовых подняли взгляд.

Перед ними стоял высокий блондин с большим напояженным чубом, одетый в нечто наподобие адмиральского

мундира. Позади него виднелся большой фургон с надписью «МАЙОРСТУА⁶. Перевозка грузов».

– Да?

– Я есть выигрывать референдум.

– Вот как?

– Я – новый вождь. Не будете ли вы так любезен сказать король, что пора собирать вещичка. И может быть, вы помогать носить мое имущество во дворец, да?

⁶ Район Осло.

Глава 8

Гипноз и Норвежская Держава

Поздний вечер, но на кухне доктора Проктора съедено не больше половины карамельного пудинга. Вечер для карамельного пудинга выдался не самый подходящий. Потому что вкус пудинга как бы не становится лучше, когда надо срочно придумать, как предотвратить конец света.

За столом царила тишина. Доктор Проктор, Лисе и Булле к этому времени уже, как положено, потеряли свои подбородки, произнесли «гм», «мм», «э-э» и другие звуки, под которые хорошо думается и которые к тому же можно произносить, не открывая рта.

И вот – наконец-то – доктор Проктор дважды сказал «именно» и еще «конечно», как будто уговорил сам себя. Потом выпрямился на стуле и посмотрел на Булле и Лисе:

– Прежде всего мы должны выяснить, как люди попадают под действие гипноза, чтобы нас самих не загипнотизировали.

– Но как мы это сделаем? – спросила Лисе.

– Надо подойти к вопросу по-научному, – сказал профессор. – Сначала составим список тех, кто, как мы знаем, подвергся гипнозу, и выясним, что у них общего. После этого составим список тех, кто не подвергся гипнозу, и выясним,

что у них общего. И то, что окажется общим для загипнотизированных, но отсутствует у тех, кто не загипнотизирован, и будет причиной гипноза. Понятно?

– Конечно, – кивнул Булле.

Лисе несколько раз повторила про себя длинную фразу доктора Проктора.

– Думаю, что да, – осторожно сказала она. – Но чтобы быть совершенно уверенной, я прошу тебя, Булле, объяснить мне.

– Э-э... А-а... – промямлил Булле. – Ну... Очевидно, что... Может быть, лучше вы, доктор Проктор?

– Хорошо. Давайте допустим, что все, кто говорит «скофейник» вместо «кофейник», пили молоко на этой неделе. И допустим, что те, кто говорит «кофейник», не пили молока...

– Таким образом, в молоке было что-то гипнотизирующее, – сказала Лисе.

– Именно, – подтвердил доктор Проктор. – Вот это и значит подойти к вопросу по-научному.

– Тик-в-тик по-научному, – сказал Булле и подтолкнул тарелку с карамельным пудингом поближе к Перри, но паук не проявил к пудингу ни малейшего интереса.

– Если считать, что большинство людей говорят неправильно, проще составить список тех, кто говорит правильно, – сказал профессор.

– Это мы трое, – сказала Лисе. – И фрекен Стробе.

– И Гальваниус, – добавил Булле.

– Все верно, – сказал доктор Проктор. – А что еще общего у нас пятерых, кроме того, что мы не говорим неправильно?

Они задумались.

– Мы не курим, не выпиваем и не лжем, – сказал Булле.

Лисе и доктор Проктор выразительно посмотрели на него.

– Мы не курим и не выпиваем, – поправился Булле.

– Иногда я могу выкурить сигару, – признался доктор Проктор. – Или выпить бокал красного вина.

– Карамельный пудинг! – воскликнул Булле. – Я прекрасно помню, как фрекен Стробе сказала, что любит карамельный пудинг.

– Но мы не знаем, любит ли его Гальваниус, – заметила Лисе. – Это проблема. Мы ничего не знаем о нем, кроме того, что он странный.

– Подождите, – выпалил Булле. – Доктор, когда мы рассказали, что Гальваниус заснул прямо на уроке, вы сказали, что он необычная личность. Так вы с ним знакомы?

– Мы с ним в одно время учились в Париже.

Я на химическом, он на биологическом. Но это все дело давнее, что прошлое ворошить...

– Выкладывайте! – закричал Булле. – Что с ним произошло тогда?

– Он как-то по глупости взял кое-что с моей полки в нашем общем холодильнике. Продолжать?

– Нет! – хором сказали Лисе и Булле.

Доктор Проктор вздохнул.

– Грегор выпил из моего кувшина, он думал, что это апельсиновый сок, но в действительности это был Эликсир силы, который я тогда изобрел.

– Эликсир силы! – воскликнул Булле. – Роскошно! Что вы туда намешали?

– Ничего особенного. Это была смесь вытяжек из тел разных животных. – Доктор Проктор прикрыл глаза и стал загибать пальцы. – Так... из тела тигровой акульей мыши, лемминга норвежского типа «А» и... да, еще находящейся на грани истребления лягушки-носорога. Я добавил также анаболических астериодов. И наконец, еще сверхжгучего мексиканского громового перца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.